

УДК 821.161.1.09+821.112.2.09+929Битов

«Кавказский текст» А. Г. Битова в русской и зарубежной (немецкой) критике

О. В. Матасова, Э. Ф. Тугушева

Матасова Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, oxidim@yandex.ru

Тугушева Эльмира Фейсовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, elmiratugusheva@gmail.com

Статья посвящена исследованию рецепции творчества А. Г. Битова в русской и немецкой критике. На материале произведений, представляющих «кавказский текст», рассматриваются подходы постмодернистской, а также постколониальной теории к осмыслению писательского вклада в развитие русской литературы, уделяется внимание истории перевода текстов А. Г. Битова на немецкий язык.

Ключевые слова: А. Г. Битов, «кавказский текст», «русский постмодернизм», рецепция.

The 'Caucasus Text' by A. G. Bitov in the Russian and Foreign (German) Criticism

O. V. Matasova, E. F. Tugusheva

Oksana V. Matasova, <https://orcid.org/0000-0001-6052-7726>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, oxidim@yandex.ru

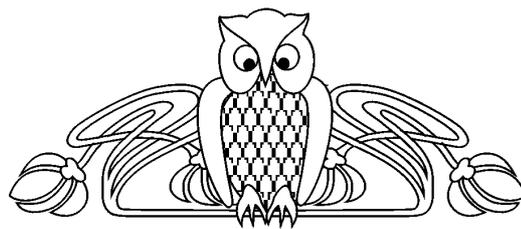
Elmira F. Tugusheva, <https://orcid.org/0000-0002-4181-521X>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, elmiratugusheva@gmail.com

The article studies how the artistic works of A. G. Bitov are perceived by the Russian and German criticism. The approaches of postmodern and postcolonial theories to the awareness of the author's contribution in the development of the Russian literature are considered on the material of the works representing the 'Caucasus text'. The history of A. G. Bitov's texts being translated into German is addressed.

Keywords: A. G. Bitov, 'Caucasus text', 'Russian postmodernism', perception.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-212-217>

Творчество А. Битова мало известно широкому кругу современных читателей за рубежом. Германия не является исключением, хотя многие тексты А. Битова переведены на немецкий язык. Так, начиная с 80-х гг. прошлого столетия на немецком языке вышли многие рассказы и эссе писателя, повесть «Человек в пейзаже» («Mensch

in Landschaft. Eine Pilgerfahrt»), а также романы «Пушкинский дом» («Das Puschkinhaus»), «Улетающий Монахов» («Die Rolle») и «Преподаватель симметрии» («Der Symmetrielehrer»). Примечательно, что роман «Улетающий Монахов» был переведен для немецкого читателя без ключевой повести «Вкус». Об этом писатель свидетельствует в цикле эссе «File на грани фолы» (2004): «“Вкус” был задуман в 1965 году, оплодотворен некими похоронами в 1976-м, написан в катастрофических обстоятельствах, на чемоданах, в одну летнюю ночь 1980-го. Ночь была последней: нас выселяли из дома, в котором мы прожили сорок лет (смотри “Рассеянный свет” в “Грузинском альбоме”). Торопился: хотел закончить растянувшийся на двадцать лет роман-пунктир “Улетающий Монахов” там же, где его начал. “Вкус” как раз и являлся его последней повестью (каждая часть или глава романа, являясь продолжением, могла существовать и отдельно, как самостоятельное произведение). “Вкус” – это катастрофа, как по сюжету, так и по смыслу. У немцев не было всех этих обстоятельств: роман у них вышел в том же 1980 году, без своего финала, без катарсиса и катастрофы, под названием “Die Rolle”»¹. А. Битов говорит об этом не без сожаления, пунктиром соединяет 1980-е и 2000-е гг.: «Не знаю, имеет ли слово “вкус” то же многозначение, что и по-русски... <...> из жизни все более удаляется вкус. Как пищевой, так и духовный»². На наш взгляд, данный факт достаточно интересен для понимания своеобразия творчества А. Битова в немецкой рецепции.

Как и в современной России, так и в Германии А. Битов более известен как автор романа «Пушкинский дом». Роман был переведен дважды: первый перевод выполнен в 1983 г. Наташей Шпитц-Вдовин и Сильвией Лист, а второй в 2007-м – Роземари Титце, известной переводчицей, перу которой принадлежат также переводы романов Достоевского и Толстого. Хотя роман посвящен судьбе поколения «оттепели» и весьма критично живописует советскую действительность, зарубежных исследователей, прежде всего, привлекают его структурные элементы, характерные для постмодернистских текстов, – интертекстуальность, достигаемая цитатами, пародированием и аллюзиями, отчуждение при помощи иронии и опять же пародии, а также понимание непрерывности времени и культуры. Перечисленные черты еще более заметны немецким исследователям в романе А. Битова «Пре-

подаватель симметрии». В целом акцентирование постмодернистского дискурса в творчестве А. Битова характерно не только для немецких исследователей. Так, исследуя преимущественно англоязычную критику, посвященную данным романам, М. С. Кормилова пишет: «...критики-постмодернисты ввели в литературную полемику элемент игры, которого в ней не хватало в советский период. В своем творчестве А. Битов использовал многие близкие им методы, однако в дискуссии о постмодернизме писатель не принял сторону критиков-экспериментаторов. Вводя в свои тексты постмодернистские художественные приемы (цитатность, фрагментарность, черты гипертекста в композиции), Битов всегда уравновешивал их более традиционными»³.

Для немецких исследователей А. Битов также интересен как один из первых постмодернистов СССР. В русской критике Битов-постмодернист начинается с романа «Пушкинский дом». Однако и немецкой публике творчество Битова было знакомо еще до публикации романа «Пушкинский дом». Отдельные повести Битова переводились на немецкий язык уже начиная с 1972 г. В. Шмид в своей статье, подготовленной на основе произнесенной им речи по случаю присуждения Битову премии имени Пушкина в 1990 г., пишет: «...Андрей Битов ценится восточными и западными читателями не только как создатель большого романа, но и как мастер малых форм, притом разных жанров, таких как рассказ, повесть, путешествие, критическая статья и полухудожественное литературоведческое эссе»⁴. В. Шмид отмечает своеобразие битовской эстетики. Опираясь на высказывание Ю. Трифонова об «островидении» Битова, он отмечает, что Битов использует в своих текстах и такой прием, как остранение. «И в самом деле, – пишет В. Шмид, – наш автор никогда не скрывал своей симпатии к этому приему и к той школе, которая сделала этот прием центром своей эстетики – эстетики антиотражения и постоянной инновации»⁵. Этот же прием, по его мнению, вводит творчество Битова в русло традиционного жанра путешествия.

Как нам представляется, именно в связи с идеей В. Шмида о вовлеченности битовской прозы в традиционный жанр путешествия в немецкой критике наблюдается несколько иной интерес к Битову как постмодернисту. И причиной тому стал так называемый «кавказский текст» А. Битова, явленный, прежде всего, в «Уроках Армении» и «Грузинском альбоме». Немецкая критика отмечает реализм ранних рассказов А. Битова, написанных в период «оттепели» и посвященных ленинградскому быту; интерес представляют, прежде всего, образ автора-героя и психология человеческих взаимоотношений. С публикацией немецкого перевода «Уроков Армении» немецкие критики усмотрели, что постмодернистские методы в прозе А. Битова появляются уже к концу «оттепели». Существенно то, что

«Уроки Армении», изданные в 1969 г., переведены на немецкий язык довольно поздно – в 2002 г. – той же Роземари Титце («Armenische Lektionen. Eine Reise aus Russland»). И книга вызвала интерес немецких исследователей, прежде всего, из-за того, что в ней впервые использован прием отчуждения, который позднее станет визитной карточкой мастера – взгляд на Россию и на себя извне. За счет этого книга действует на читателя перформативно⁶. Одновременно А. Битов вписывает свою книгу в мировой литературный континуум, делая ее продолжением творчества Пушкина и Мандельштама, подчеркивая непрерывность времени, истории и культуры.

Литература о Кавказе имеет в русском словесном пространстве долгую традицию. Российские писатели-романтики, в первую очередь Пушкин и Лермонтов, традиционно видели в Кавказе некий мистический край, связанный с древнегреческой мифологией – родиной Медеи, страной Колхидой и местом, где был прикован Прометей. Такая романтизация, одобренная, впрочем, долей иронии, не мешала видению Кавказа в колониальном контексте, соответствующем общей идеологии Российской империи⁷.

В начале двадцатого столетия кавказской проблематики коснулись А. Белый и О. Мандельштам, для модернистских текстов которых характерны отсылки к античным мифам и импрессионистским полотнам Сарьяна и Врубеля, а также пушкинские и гетевские реминисценции. Битов обращается к текстам обоих писателей в первой же главе «Уроков Армении». В «Уроке языка» вплетен экскурс в историю армянского шрифта, который близок идеографическому письму древних шумеров. Для Битова символизм армянского письма свидетельствует о его древности и божественном происхождении. В «Уроке языка» Битов реминисцирует к отрывку из «Ветра с Кавказа» А. Белого, приписывая армянской речи звукоподражательный характер, а также к соответствующему пассажиру О. Мандельштама из «Путешествия в Армению», который, будучи сторонником яфетической теории происхождения языка Н. Марра, считал армянский язык близким к праязыку и находил в нем множество архисем⁸. Действительно, поэты русского авангарда начала прошлого века А. Белый, В. Хлебников и В. Маяковский писали о важной роли иконичности в языке и литературе⁹. Они грезили о некоем универсальном языке, графика которого должна быть основана на принципах иконичности (В. Хлебников), а звуковая сторона – звукоизобразительности. Таков, по их мнению, был изначальный язык человечества, звуки которого отражали смысл (А. Белый), а языковой знак соотносился с обозначаемым объектом неконвенционально. По нашему мнению, «Урок языка» отсылает одновременно к лингвофилософскому дискурсу немецкого барокко, когда активно обсуждался вопрос о происхождении

языков¹⁰, и *lingua adamica*, сакрального языка, в котором вещи названы по их истинной природе¹¹. В лингвофилософском дискурсе барокко особое значение придавалось звукоизобразительной лексике, которая отождествлялась с праформами изначального языка¹².

В отличие от хронологически построенного путевого дневника А. Белого, «Уроки Армении» схожи с учебником. Однако эта схожесть мнимая, проявляющаяся на формальном уровне – в названиях глав, тогда как лирический герой А. Битова отвергает объективные знания. «Грузинский альбом» представляет собой сборник хаотично расположенных эссе и путевых заметок, лейтмотивами которых являются критический взгляд на Россию, поиск родины и своей идентичности. Тексты А. Битова, как и тексты О. Мандельштама, не дают точных описаний маршрута поездки. Скорее они представляют собой нагромождения впечатлений, размышлений, воспоминаний, комментариев, записей разговоров и встреч, реальных и воображаемых. Они показывают нам сам процесс конструирования, создания текста, что для Битова есть процесс познания и самопознания.

Битов обращается к мотиву побега из страны, откуда сбежать невозможно. Как и лирический герой Пушкина в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», герой Битова вроде бы покидает Россию, не пересекая, однако, границ ее огромной империи, что наталкивает читателя на мысль, что политика СССР в отношении Кавказа не сильно отличается от политики Российской империи, нацеленной на завоевание и подчинение последнего. Спустя полтора столетия ничего не изменилось, и бегство на периферию империи все также означает глоток свободы. Одновременно Битов иронизирует, реминисцируя к «Кавказскому пленнику» Пушкина, в отличие от героя которого его путешественник находится в эмоциональном плену красоты и культуры Армении. Герой Битова видит подлинность и аутентичность Армении в ее внутренней свободе от советских достижений социализма. Битов намеренно избегает в своих описаниях социалистических реалий. Более того, он деидеологизирует Армению и ее столицу Ереван, противопоставляя подглавы «Урока языка» – «Азбуку» и «Букварь» – идеологически нагруженной «Советской азбуке» В. Маяковского¹³.

С. Л. Мюллер видит в «Уроках Армении» попытку развенчать советский, унаследованный от имперской России кавказский миф, создав утопию – край, которого не найти на географических картах, но который, как айсберг, выступает из океана книг, культур, цитат. Битов создает образ Кавказа при помощи приема интертекстуальности, вводя аллюзии на художественные тексты и картины, вписывая его в непрерывный мировой культурный контекст, а также играя с читателем, предлагая ему понять, где правда, а где вымысел. С. Шпикер считает поиск культурной преемственности Битова тоской по потерянному

прошлому¹⁴. После смерти Сталина образовался культурный вакуум, преодолеть который пыталась литература «оттепели». С. Шпикер видит в «Уроках Армении» в горе Арарат, всегда скрытой от глаз, метафору борьбы с забвением. Увидеть ее так же трудно, как и преодолеть забвение, преодолеть сталинскую эпоху¹⁵.

Интертекстуальность, как и гипертекстуальность, по мнению Г. Генетта, представляют собой виды *транстекстуальности*¹⁶. Внедряя в текст ссылки, подзаголовки, примечания, предисловия и послесловия, а также рисунки и меняя их в последующих изданиях, Битов создает гипертекст. Э. Чансес видит в текстах А. Битова схожесть со спиралями ДНК, подчеркивая их циклическое построение и взаимосвязи¹⁷. Образы цикла и круга являются центральными в главе «История с географией». Они связаны с вечностью и идиллическим существованием поколений в согласии с природой. Такое представление о жизни на Кавказе противопоставляет тексты Битова русской литературе девятнадцатого столетия, «кавказские тексты» которой имели приключенческий и скрытый империалистический характер. Одновременно Битов, вводя аллюзии на творчество Мандельштама и Белого, противопоставляет свои тексты литературе соцреализма, из которой русский авангард начала XX в. был исключен.

Официальный литературный дискурс «оттепели» был довольно инертен и следовал, в общем и целом, литературному канону тридцатых годов, сформированному согласно личному вкусу Сталина, корифеем которого был Горький. Имена поэтов русского авангарда, которые не успели или не захотели приспособиться к новой действительности, были заклеены позором, а затем забыты. В период «оттепели» на Западе вышли собрания сочинений запрещенных в СССР писателей. По мнению С. Л. Мюллер, Битов с большой долей вероятности был знаком с Собраниями сочинений Мандельштама¹⁸, вышедшими в США. В СССР первая публикация Мандельштама после 1928 г. относится к 1973 г. Таким образом, в «Уроках Армении» Битов обращается к творчеству поэта на пять лет раньше его официальной реабилитации и даже имеет смелость видеть в нем последователя Пушкина. Рамки постколониальной теории в литературе задают немецкой критике определенный взгляд на обращение А. Битова к русской классике. Соотношение имен, аллюзий, реминисценций, отсылающих к русской литературе разных эпох, фиксируется немецкой критикой в равной степени. Однако, на наш взгляд, именно в «кавказских текстах» отчетливо то, что ориентиром в поисках гениального воплощения высоких смыслов жизни и творчества, а также образцом для создания собственной поэтики для А. Битова в большей степени является А. С. Пушкин.

Думается, немецкие исследователи в большей мере сосредоточиваются на тщательном распознавании малейших интертекстуальных

связующих «кавказского текста». Например, образ круга и понятия *подлинность* и *вечность*, являющиеся лейтмотивами «Уроков Армении», ассоциируются для С. Л. Мюллер с учением дзен. По ее мнению, автор опирается в описаниях своих кавказских впечатлений на созерцательную эстетику этой школы, которую он изучал, готовясь к поездке в Японию, не состоявшейся по политическим причинам. Поездку на Дальний Восток заменило путешествие в Армению, которое Битов воспринимал сквозь призму эстетики дзен, пытаясь выразить невыразимое¹⁹.

С. Л. Мюллер сравнивает «Уроки Армении» с «Империей знаков» Р. Барта²⁰. В обеих книгах путешествие начинается со столиц (Ереван vs Токио), архитектуру которых можно читать как книгу. Обе страны обладают древними культурами с иероглифическим письмом. Но если Р. Барт опирается только на эстетику дзен, то эстетика Битова соединяет буддистские и христианские мотивы, видя в языке Армении первоначальную *lingua adamica*, а в ее ландшафте – первоначальный акт творения, отделения земли от суши. Тексты Битова полны метафор. Сам писатель сравнивает их с храмами, а слова и буквы – с камнями, реминисцируя к поэзии Манделштама. Отсылая к тому же Манделштаму, он сравнивает мир, страну, город с книгой. С книгой же он сравнивает путешествие, а путешественника – с читателем. С. Л. Мюллер задается вопросом, насколько это литературное путешествие – написание текста – соответствует своему прототипу, путешествию реальному. Насколько можно и можно ли поставить знак равенства между пережитым и сотворенным или текст Битова симулякр? В русской критике, на наш взгляд, на этот вопрос дает ответ Л. Аннинский: «Секрет в том, что “Уроки Армении” – книга, точнейшим образом воплотившая внутреннюю драму, которую можно назвать сугубо “битовским сюжетом”: поиск реальности за “абракадаброй” знаков»²¹.

Наряду с транстекстуальностью Битов создает свой гипертекст при помощи отчуждения, в том числе зрительного восприятия, используя технику живописи, фотографии, видеосъемки. С. Л. Мюллер отмечает, как мастерски писатель настраивает, фокусирует, уменьшает и увеличивает изображение, уподобляя свой глаз оптическим инструментам – очкам, биноклю, фото- и видеокамерам – и придавая, таким образом, своей прозе кинематографичность. Одновременно с этим Битов отсылает к сюжетам фильмов О. Иоселиани и Я. Протазанова, а также полотен Я. Вермеера и М. Сарьяна. Хотя зрительное восприятие играет ключевую роль в текстах Битова, С. Л. Мюллер также обращает внимание на использование им синестезии как художественного приема²². Р. Лауер пишет о характерных для «Уроков истории» и «Грузинского альбома» деконструктивистских принципах повествования – нелинейном, фрагментарном и пунктирном²³.

Поездка А. Битова в Армению состоялась в 1967 г., в Грузию – в 1985 г. Обе поездки, как пишет Елена Чхаидзе, способствовали «конструированию» личностной и культурной идентичности писателя, а также авторского образа «имперского человека», что отразилось в соответствующих текстах по принципу бинарной оппозиции (ср.: «поэтика поиска» в исследованиях В. Шмида): «...Россия – Армения, Россия – Грузия, история любви кавказского пленника у Лермонтова – любовь армянской девушки Аэлиты в его “Уроках Армении”»²⁴. Завершается путешествие, а вместе с ним и «кавказский текст» в последней части романа «Оглашенные», в которой между Грузией и Россией вспыхивает Абхазия, передавая «нарастание тревоги предимперского краха»²⁵. В «Оглашенных» Е. Чхаидзе также выделяет бинарные модели: свой/колонизированный, чужой/колонизатор. Сам автор «кавказского текста», пребывающий в двойственном состоянии, фиксирующий это состояние с художественной точностью, все же пишет: «Империя путешественника – другая планета»²⁶. Но именно двойственность акцентируется как главный код прочтения битовского «кавказского текста»: «Битов, наследник традиции русской классической литературы, становится ее *заложником или колонизованным*. Вырваться из такого “кавказского плена” не удастся. Все: и природа, и ландшафт Грузии, воспетые в русской литературе, – *захватывают* писателя. Он оказывается пленником собственных знаний. Ощущение “колониатора” и “колонизованного” меняются на протяжении всего текста. Раздвоенность лишает “счастья соответствия”. Лишь на секунду, в конце прогулки, он фиксирует момент соответствия самому себе. Раздвоение между стремлением *сохранить* и стремлением *вырваться* пронизывает весь текст»²⁷. Статья Е. Чхаидзе интересна с точки зрения пересечения германской и русскоязычной критики (Е. Чхаидзе является научным сотрудником Рурского университета (Бохум), Германия). Ее исследование также придерживается рамок постколониальной теории, выводы перекликаются с работами других немецких исследователей, пишущих о своеобразном «русском постмодернизме» А. Битова.

Несмотря на то что постмодернизм в СССР – явление конца семидесятых годов прошлого века, «кавказские тексты» А. Битова, по мнению зарубежных исследователей, бессознательно предвосхищают его²⁸. Согласно Р. Эшелману, русский постмодернизм возник в позднем социалистическом обществе в результате эволюционного – а не революционного, как на Западе, – процесса и был, с одной стороны, реакцией, на поздний модернизм тоталитарной сталинской эпохи с его утопическими чертами, а, с другой стороны, переосмыслением культурного наследия досталинской эры. Русский постмодернизм, таким образом, был своеобразным продолжением

ем модернизма, а не его отрицанием²⁹. А. Битов не просто создает «кавказский» гипертекст, играя цитатами и аллюзиями, он критически осмысляет авангард, модернизм, соцреализм и связанные с ними травмы, демонстрируя изменение парадигмы мышления позднего социалистического общества, выразившиеся в его постутопизме и деконструктивизме³⁰. В русской критике, на наш взгляд, дано очень краткое определение данного явления: «Типологически Битова можно назвать “постмодернистом без постмодернизма”»³¹. В какой-то степени это подтверждает и А. Великанов, считая стиль романа «Оглашенные» образцом «литературы деконструктивизма»: «Конструктивность текста становится его декором. Истинная же конструкция (то, что она существует, не вызывает сомнений) запрятана глубоко и мастерски, она существует чуть ли не на уровне подсознания»³².

Следующие за «Уроками Армении» романы Битова не менее интересны для западных исследователей, так как в них его постмодернистский метод достигает своего расцвета. У. Гольдшверер применяет теорию хаоса для анализа этого этапа творчества Битова. Существуют писатели, считает она, нарушающие нормы современной литературы и тем самым позитивно влияющие на всю ее систему. Такие писатели опасны для тоталитарных режимов, потому что они расшатывают формы господствующего литературного канона, как это делал Битов в своей ранней прозе, нарушая нормы соцреализма. В не-тоталитарных системах такие авторы нарушают рамки морали и жанров, находясь в авангарде литературного процесса³³.

Итак, русской и зарубежной критике интересно творчество Битова, особое внимание привлекает сам Битов как особый тип писателя. Однако следует различать ракурсы: если говорить о новаторстве, или, как точно определил Л. Аннинский, об особом «битовском сюжете», то немецкая критика сосредоточена в большей мере на диалоге Битова с мировым пространством культуры, который выражается как противостояние тоталитарному режиму. В таком ракурсе социально-политическое измерение творчества, судя по высказываниям немецких исследователей, во многом определяет поэтику писателя. Постмодернистские методы и приемы писателя, которые завораживали не только зарубежных, но и русских исследователей, воспринимаются как новаторство. Но в новой публикации И. Роднянской («Застигнувший себя») мы видим иной ракурс. Подлинным новаторством Битова она считает обращение еще в 1960-е гг. к глубинному, экзистенциальному дискурсу в литературе: «Тогда, в той обстановке, мне было важно и то, что передо мной оказался не советский (в духе шестидесятничества), не антисоветский, а совершенно *внесоветский* писатель. Я не сразу осознала это разительное впечатление; ...

у Битова социальные роли вторичны по сравнению с оголенно-экзистенциальными: мальчик, женщина, отец, сын и т. п. Сегодняшним поколениям не понять уже, как это было ново и дерзко, пуше всякого диссидентства»³⁴.

Таким образом, можно считать, что в разножанровых произведениях А. Битова процессы межкультурной диффузии выражаются не только как прием интертекстуальности, как текст ради текста, но и как текст ради смысла жизни, связующего, по сути религиозного. В интервью С. Шаргунову А. Битов произносит сокровенную фразу, явившуюся для него «точкой сборки»: «...без Бога жизнь бессмысленна»³⁵. И в то же время продолжает: «Жизнь действительно бессмысленна, спору нет. А смысл она обретает путем объяснений – как правило, слабых. Либо путем веры, которая ничем не может быть оправдана и подтверждена»³⁶. Сказанное писателем актуализирует исследование особого измерения его литературного творчества.

Собранные в книге «Портрет поздней империи: Андрей Битов» (2020) статьи и воспоминания людей, не равнодушных к личности и творчеству Битова, во многом создают образ культового писателя, который «открыл новую область исследования, при этом обнаружив абсолютный уровень в слове» (Ю. Карабчиевский)³⁷. Однако, как нам представляется, по-прежнему остается актуальным духовно-эстетический аспект изучения творчества Битова, исследование тех творческих состояний, в которых писатель шел по пути углубления жизни до того предела, где сквозь всякую расщепленность и дробность проступает Целое. Проблемой остается и то, как он в текстах разной литературной природы осмысляет свой духовный опыт, не субъективируя и не сужая жизненную реальность³⁸.

Примечания

- 1 Битов А. File на грани фола. URL: <https://public.wikireading.ru/109634> (дата обращения: 20.01.2020).
- 2 Там же.
- 3 Кормилова М. Творчество А. Битова в оценке российской и русской зарубежной критики : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 14.
- 4 Шмид В. Андрей Битов – мастер «островидения» // Битов А. Империя в четырех измерениях. I. Петроградская сторона. Харьков ; М., 1996. С. 373.
- 5 Там же. С. 376.
- 6 См.: Müller S. L. Andrej Bitovs Uroki Armenii – eine literarische Raumutopie. Eine Analyse von Wahrnehmungsmustern und Raumkonzeptionen : masterarbeit. Granges-Paccot, 2009. S. 117.
- 7 Ibid. S. 25.
- 8 См.: Spieker S. Figures of Memory and Forgetting in Andrej Bitov's Prose : Postmodernism and the Quest for History // Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen. Bd. 11. Frankfurt a/M [etc.], 1996. S. 83.

- ⁹ См.: Zimmermann T. Bild-Sprachen für neue Menschen : Ideogramm und Piktogramm im revolutionären Russland // Ackermann M., Rathgeber P. (Hg.). Piktogramme – die Einsamkeit der Zeichen : [Katalog zur Ausstellung im Kunstmuseum Stuttgart, vom 4. November 2006 – 25. Februar 2007]. München, 2006. S. 38.
- ¹⁰ См.: Матасова О. Konzept Ikonizität in diachronischer Perspektive // Инновации в преподавании и изучении немецкого языка : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2012. С. 73–74.
- ¹¹ См.: Матасова О. Природа языкового знака : мифологическая трактовка языкового знака в диахронии // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма / под ред. А. А. Зарайского. Саратов, 2016. С. 17.
- ¹² См.: Матасова О. Ономастопозитивная теория происхождения языка // Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 68.
- ¹³ См.: Zimmermann T. Op. cit. S. 44.
- ¹⁴ См.: Spieker S. Einleitung : Die Ver-Ortung des Archivs // Spieker S., Codognot Ph. (Hg.). Bürokratische Leidenschaften. Kultur- und Mediengeschichte im Archiv. Berlin, 2004. S. 7–25.
- ¹⁵ См.: Spieker S. Figures of Memory and Forgetting in Andrej Bitov's Prose. Postmodernism and the Quest for History. S. 77–100.
- ¹⁶ См.: Genette G. Palimpseste. Die Literatur auf zweiter Stufe. 2. Übersetzt. Aufl. Frankfurt a/M, 2004. S. 13.
- ¹⁷ См.: Chances E. Andrei Bitov. The ecology of inspiration // Cambridge studies in Russian literature. Cambridge, 1993. P. 11.
- ¹⁸ См.: Мандельштам О. Собр. соч. : в 3 т. / под ред. Г. П. Струве, В. А. Филиппова. Вашингтон, 1964–1969.
- ¹⁹ См.: Müller S. L. Op. cit. S. 95–98.
- ²⁰ Ibid. S. 5.
- ²¹ Аннинский Л. Странный странник // Портрет поздней империи : Андрей Битов / авт.-сост. Е. Чигрин ; предисл. В. Попова. М., 2020. С. 21.
- ²² См.: Müller S. L. Op. cit. S. 74–94.
- ²³ См.: Lauer R. Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart. München, 2000. S. 809.
- ²⁴ Чхаидзе Е. «Русский имперский человек» в «провинции». Дискурс «Россия – Грузия» в книге Андрея Битова «Империя в четырех измерениях» // Дружба народов. 2014. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/10/russkij-imperskij-chelovek-v-provinczii.html> (дата обращения: 20.01.2020).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Битов А. Путешествие из России. М., 2003. С. 264.
- ²⁷ Чхаидзе Е. Указ. соч.
- ²⁸ См.: Eshelman R. Early Soviet Postmodernism // Schmid W. (Hg.). Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen. Bd. 12. Berlin ; Frankfurt a/M [etc.], 1997. S. 24 ; Kary D. Andrej Bitov : Ein postmoderner Präzedenzfall? Periodisierungsmodelle einer sowjetrussischen Postmoderne und Bemerkungen zur Indifferenz // Gözl Ch., Otto A., Vogt R. (Hg.). Romantik – Moderne – Postmoderne. Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen. Bd. 15. Bern ; Frankfurt a/M [etc.], 1998. S. 311.
- ²⁹ См.: Eshelman R. Op. cit. S. 10–19.
- ³⁰ См.: Arns I. «Objects in the mirror may be closer than they appear!» Die Avantgarde im Rückspiegel – Zum Paradigmenwechsel der künstlerischen Avantgarderezeption in (Ex-) Jugoslawien und Russland von den 1980er Jahren bis in die Gegenwart. Dissertationsschrift. URL: <http://www.inkearns.de> (дата обращения: 20.01.2020).
- ³¹ Арьев А. Огненный бык в сумеречном пейзаже // Портрет поздней империи : Андрей Битов. С. 42.
- ³² Великанов А. Сущее и несущее // Там же. С. 97.
- ³³ См.: Goldschweyer U. Das Komplexen im Konstruierten : der Beitrag der Chaos-Theorie für die Literaturwissenschaft. Vochum, 1998. S. 105–108.
- ³⁴ Роднянская И. Застигнувший себя // Портрет поздней империи : Андрей Битов. С. 268.
- ³⁵ Шаргунов С. Дымом по воздуху // Там же. С. 341.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Портрет поздней империи : Андрей Битов. С. 5.
- ³⁸ См.: Тугушева Э. Метапозитивная А. Г. Битова : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.

Образец для цитирования:

Матасова О. В., Тугушева Э. Ф. «Кавказский текст» А. Г. Битова в русской и зарубежной (немецкой) критике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 212–217. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-212-217>

Cite this article as:

Matasova O. V., Tugusheva E. F. The 'Caucasus Text' by A. G. Bitov in the Russian and Foreign (German) Criticism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 212–217 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-212-217>